

СКИФСКИЕ СЮЖЕТЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ОЛЬВИОПОЛИТОВ

Научная литература о «Скифском логосе» в IV книге «Истории» Геродота весьма обширна. Основную массу работ по этой теме составляют труды отечественных исследователей: ведь у Геродота сохранилось первое достаточно последовательное описание нашей страны, причем описание подробное, составленное современником и очевидцем. В большинстве таких работ из произведения древнего историка извлекаются те или иные факты, делаются попытки примирить некоторые его противоречивые сведения, сопоставляются сообщения античного автора с данными археологии.

Гораздо реже отечественных ученых занимают исследования источников сведений Геродота¹. Как правило, ограничиваются устоявшимся мнением, что фактам, записанным у Геродота, надо верить, потому что он сам побывал в Скифии, многое видел собственными глазами, много записал со слов местных жителей, а также критически использовал труды своих предшественников.

Следует отметить, однако, что за последнее время снова стали появляться, казалось бы, уже окончательно отвергнутые еще в конце XIX в. скептические концепции. В них на основании некоторых противоречивых или ошибочных данных Геродота утверждается, что он не был в Северном Причерноморье и написал о нем по чьим-то рассказам и недостоверным слухам. Скептики вырывают отдельные факты из «Скифского логоса», не производя анализа источников сведений античного историка². Мы попытаемся на примере нескольких глав из IV книги показать характер использования Геродотом фольклора как важнейшего источника его сведений о Скифии. Это даст нам возможность привести еще одно новое доказательство в пользу мнения о том, что Геродот в середине V в. до н. э. посетил северные берега Понта.

Существует немало исследований о фольклоре как одном из важных источников всей «Истории» Геродота. Подробно разобрано влияние эпоса и сказки, новеллы и легенды на концепцию труда древнего историка³.

¹ Отчасти это можно объяснить тем, что здесь немало уже сделано зарубежными исследователями. До сих пор, например, обладает огромным авторитетом монография Ф. Якоби о Геродоте, где произведен тщательный анализ каждой главы «Истории» (*Jacoby F. Herodotus.* — RE, Supplbd. 2, 1913). Общая характеристика состава источников «Скифского логоса», в основном разделяемая современными исследователями, заключена в статье С. А. Жебелева «Скифский рассказ Геродота» (*Жебелев С. А. Северное Причерноморье.* М. — Л., 1953, с. 308—347).

² *Armayer O. K. Did Herodotus Ever Go to the Black Sea?* — *Harvard Studies in Classical Philology*, 82, 1978, p. 45—62.

³ Назовем лишь две важнейшие монографии, посвященные разработке этих тем и освещающие литературу вопроса: *Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen.* Göttingen, 1921; *Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота.* Л., 1957.

В отечественном литературоведении наибольшее внимание уделялось сказочным мотивам «Скифского логоса» Геродота⁴. Скифологи неоднократно привлекали труд Геродота для реконструкции скифских генеалогических легенд и эпоса⁵. В плане подобных исследований особенно интересна статья Л. А. Лелекова и Д. С. Раевского, где обосновывается предположение о том, что описание многих обычаев скифов в конечном счете оказывается пересказом соответствующих мест их национального эпоса⁶.

Насколько нам известно, никто специально не занимался выявлением и разбором греческих устных исторических преданий в составе IV книги «Истории». В предлагаемой статье делается попытка восполнить этот пробел: производится анализ одного из своеобразных фольклорных источников Геродота и в связи с этим дается несколько новое освещение ряда исторических фактов.

Жанр устного рассказа о современных (в широком смысле) событиях присущ устному творчеству любого народа. Будучи связаны с текущей действительностью, такие рассказы постоянно обновляются и сменяются с каждым поколением. По своей жанровой природе подобные рассказы не становятся традиционными по бытованию, хотя в них могут быть использованы некоторые традиционные мотивы и средства поэтики. Если же устный рассказ об исторических событиях не умирает вместе с поколением его создателей, он превращается в историческое предание или легенду, что составляет память народа о его прошлом.

В науке установился термин «новелла» в приложении к древнегреческим преданиям и легендам как бытового, так и исторического содержания. И мы будем в большинстве случаев пользоваться этим традиционным определением. Напомним, однако, что термин «новелла» в приложении к литературе впервые зафиксирован в итальянском языке. В античности этот фольклорный, а затем ставший литературным жанр не имел специального названия, а определялся понятиями общего характера, чаще всего *λόγος* — «слово», «сказание».

VIII—VII вв. до н. э. — переломный период в истории многих греческих государств. Стремительно развивающееся колонизационное движение на берега Средиземного и Черного морей, знакомство с другими народами, расширение торговых связей дали толчок к рационализации мышления. Экономические, социальные и политические изменения нарушили архаический образ жизни. Это привело к тому, что стали интересоваться не только деяниями богов и героев, но и рассказами, в центре которых изображалась жизнь человека. Тогда родился в Греции новый повествовательный фольклорный жанр — новелла. Как художественный жанр она, по мнению большинства исследователей, оформилась в Ионии, наиболее культурной и экономически развитой области Греции VIII—VII вв. до н. э. Примечательно, что Геродот, первый писатель, серьезно отнесшийся к новелле, был человеком ионийской культуры⁷.

Принципу Геродота на протяжении всего своего труда записывать «со слуха рассказанное каждым» (II, 123 — *ἐμοὶ δὲ παρὰ πάντα τὸν λόγον ἀπόκειται ὅτι τὰ λεγόμενα ὑπ' ἑκάστου ἀκτῆ ἴστω*) мы обязаны сохране-

⁴ Клингер В. Сказочные мотивы в «Истории» Геродота. Киев, 1903; Толстой И. И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деде. — В кн.: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. Л., 1966, с. 232—248.

⁵ Назовем две монографии, где об этом подробно говорится и дана литература вопроса: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977; Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.

⁶ Лелеков Л. А., Раевский Д. С. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность. — НАА, 1979, № 6, с. 68—78.

⁷ Логографы, предшественники Геродота, отнесли к фольклору, и в частности к новеллам, либо с насмешкой (Гекатей, например, называл рассказы эллинов смехотворными), либо превращали красочные устные рассказы в сухое изложение фактов. Ср. Лурье С. Я. Геродот. М. — Л., 1947, с. 111; Доват ур. Ук. соч., с. 155.

нием множества народных преданий, распространенных в середине V в. до н. э. Этими «каждыми» были у Геродота и государственные деятели, и жрецы, и рядовые представители населения. Читая Геродота, можно познакомиться не только с содержанием новелл, но и со многими чертами стиля их повествования в устной традиции. По богатству исторических новелл и мастерству их передачи с Геродотом не может сравниться ни один античный автор.

Историк жил в те времена, когда виртуозное владение словом отличало каждого культурного человека. И сам он, как можно заключить из его сочинения, был мастером устного рассказа. Этот достаточно распространенный среди его современников дар Геродот сочетал с редкостным в то время умением запечатлеть устное слово в письменной речи. Он один из первых, если не первый, кто смог проявить в большом произведении талант писателя-прозаика⁸. Поэтому Геродот по праву должен быть назван не только «отцом истории», как его именуют со времен Цицерона, но и одним из зачинателей греческой художественной прозы.

Обращение Геродота к фольклору далеко не случайно. Ведь известно, что литература обычно, делая свои первые шаги, обращается к фольклору, который к тому времени располагает богатым арсеналом жанров и художественных средств: героическим и сказочным эпосом, разнообразными формами лирики, обрядовой и календарной поэзией⁹.

Влияние фольклора на Геродота проявляется как в постановке задачи всего сочинения, так и в частных случаях реализации этой задачи. Цель «Истории», сформулированная в первой ее фразе, подобна цели героического эпоса¹⁰: прославить подвиги греков и варваров и объяснить, почему они воевали друг с другом. Сведения о массе исторических фактов Геродот почерпнул из новелл. Именно из них, например, взята подавляющая часть информации о коринфских, самосских, милетских и афинских тиранах VII—VI вв. до н. э.¹¹ Можно отметить применение фольклорных приемов у Геродота и в технике повествования: такова парантеза, использованная им для научных примечаний¹². Наконец, все мироощущение Геродота выросло, по мнению некоторых исследователей, на многовековой мифопоэтической традиции¹³.

Из всех познаний и впечатлений, вынесенных из поездки в Северное Причерноморье, Геродот включил в свое произведение лишь то, что служило материалом для «Скифского логоса». Историк целенаправленно собрал сведения для этой части своего труда с тем, чтобы развернуть перед читателем картину Скифии: описать населяющие ее народы, их нравы и обычаи, а также дать физико-географический очерк ее территории. Важным источником для этого должны были стать устные рассказы, которые Геродот записывал, приезжая в любую страну. Достаточно напомнить ставшие знаменитыми в античной литературе новеллы о Крезе, услышанные историком в Лидии, о сокровищнице царя Рампсинита — в Египте, о Поликратовом перстне — на Самосе, об Арионе — в Коринфе и многие, многие другие.

Цель новеллы — развлечение слушателей рассказом о событиях, в реальность которых верит рассказчик и его аудитория. В противополож-

⁸ Сочинения логографов, предшественников Геродота, судя по сохранившимся фрагментам, не могут быть отнесены к произведениям художественной прозы. Ф. Якоби считал сочинение Геродота первой большой работой в греческой литературной прозе (*Jacoby*. Op. cit., Sp. 486).

⁹ Емельянов Л. И. Изучение отношения литературы к фольклору. — В кн.: Вопросы методологии литературоведения. М. — Л., 1966, с. 268—270.

¹⁰ Миллер Т. Историческая проза древней Греции. — В кн.: Историки Греции. Геродот, Фукидид, Ксенофонт. М., 1976, с. 11.

¹¹ Скржинская М. В. Новеллистические традиции о тирании в Греции VII—VI вв. до н. э. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. Л., 1968.

¹² Доватур. Ук. соч., с. 154.

¹³ Лелеков, Раевский. Ук. соч., с. 68.

ность сказке, все удивительное в новелле происходит в человеческой сфере и без вмешательства сверхъестественных сил. Новелла отличается от существовавших задолго до ее появления, а затем бытовавших наряду с ней других видов повествовательного фольклора — басни и мифа. Ведь в задачи первой входило наставительное сравнение; в мифах говорилось о чудесных делах богов и героев, а не о событиях окружающей жизни, которые отражались в новеллах. Оговорим смысл реализма новеллы: в народных рассказах древних никогда не было полностью рационалистического отношения к привидениям, оборотням, любовным приговорам и т. п.

Стиль новеллы характеризуется чертами, присущими и другим жанрам фольклора: стремлением к наглядности и избеганием абстрактного, выделением главного героя, характеристикой персонажей их действиями, введением прямой речи для оживления повествования, любовью к контрастам и детальным описаниям, отнесением центра тяжести к концу или ближе к концу рассказа, обилием снов, чудес и предзнаменований, смысловой (а не хронологической) последовательностью, употреблением излюбленных чисел (3, 7 и т. п.), ретардацией, стремлением рассказчика не выступать вперед.

Ольвия была опорным пунктом, откуда Геродот совершил путешествие по северному берегу Понта. Однако специальное описание Ольвии, одной из многочисленных греческих колоний на Черном море, не входило в задачи историка. Поэтому он выбрал и записал из ольвийского фольклора те рассказы, которые иллюстрировали жизнь и нравы скифов, ближайших соседей этого полиса. Таковы новеллы о смерти Анахарсиса и о скифском царе Скиле. Действие первой происходило в Гилее — области, примыкавшей к восточной границе Ольвийского полиса, события же второй новеллы разворачиваются в самой Ольвии.

Как показал А. И. Доватур, обязательным для геродотовских новелл было их историческое обрамление¹⁴. Если в народном творчестве это были самодовлеющие рассказы (например, о глупости Кандавла, о неразумии и несчастьях Креза, о скифах из царского рода, признавших чужеземные обычаи и наказанных за это своими соотечественниками), то у Геродота они органически вошли в состав его произведения и подчинились его целям. Направляющая линия труда Геродота — его исследовательский интерес. Прежде чем начать новеллу, он нередко дает историческую справку. Например, в строго деловом стиле сообщает о лидийском царе Крезе: он был сыном Адиатта, властителем всех народов по эту сторону Галиса, первым вступил в определенные отношения с греками (I, 6—7); затем следует новелла о лидийских царях Кандавле и Гиге (I, 8—13), которая заключается выводом: так Мермнады захватили власть, отняв ее у Гераклидов (I, 14).

Новеллы об Анахарсисе и Скиле подчинены цели показать враждебное отношение скифов к восприятию эллинских обычаев. Фразы с этой мыслью повторяются перед началом новеллы об Анахарсисе и заключают новеллу о Скиле, охватывая их как бы единой рамкой. Содержание новеллы об Анахарсисе (IV, 76) таково: скиф Анахарсис, стяжавший славу мудреца, посетил многие страны. Возвращаясь на родину, он присутствовал в Кизике на празднике в честь Матери богов и дал обет совершить такое же празднество, если он благополучно возвратится домой. По приезде в Скифию Анахарсис удалился в Гилею и исполнил свой обет. Кто-то из скифов донес об этом царю Савлию, и тот убил Анахарсиса.

Рассказывая об Анахарсисе, Геродот передал сюжет новеллы, сохранив лишь некоторые черты ее устного повествования. К этим чертам следует отнести концентрацию действия вокруг главного персонажа, конкретность и наглядность изображения событий, которые разворачиваются в хорошо известной ольвиополитам области Гилее; зримо обрисован Анахарсис в

¹⁴ Доватур. Ук. соч., с. 151.

процессе совершения праздника: он исполняет полный обряд, держа в руках тимпаны и увесив себя изображениями богини. Подчеркнуты конкретные обстоятельства гибели героя рассказа: его убил царь Савлий, выстрелив из лука. Второстепенное же действующее лицо, скиф, заметивший, как Анахарсис поклоняется чужеземной богине, никак не охарактеризовано: о нем просто сказано: «кто-то из скифов».

Для Геродота, как и для других, более поздних античных авторов, Анахарсис — реальное историческое лицо. Большинство современных исследователей также не сомневается в этом, хотя некоторые (А. Гутшмит, В. Али) считали его вымышленным персонажем. На критике подобных взглядов мы остановимся ниже.

Время путешествия Анахарсиса датируется концом 90-х годов VI в., когда он, по свидетельству Диодора (IX, 26, 2), Диогена Лаэртского (I, 101—105) и Плутарха (Solo, 5), познакомился с Солоном, а тот составлял свои законы. Те же авторы говорят о свидании Анахарсиса с Крезом, но хронологически это мало вероятно. Сдвиг царствования Креза примерно на 25 лет произошел еще в труде Геродота и был замечен древними филологами, как пишет Плутарх в биографии Солона (гл. 27). Гибель Анахарсиса относят к середине VI в. до н. э. Такая датировка основана на том, что он приходился дядей известному скифскому царю Иданфирсу, победителю Дария¹⁵.

Новелла же, записанная Геродотом, как и подобает фольклорному рассказу, лишена конкретных хронологических указаний. Имя царя Савлия нам мало дает потому, что мы не располагаем более или менее точными данными о хронологии правления скифских царей VI—V вв. до н. э. Все наши представления о генеалогии скифских царей идут от Геродота, коснувшегося этого вопроса в связи с рассказами об Анахарсисе и Скиле.

Гибель Анахарсиса, одного из первых скифов, перенявшего эллинскую культуру, произошла недалеко от пределов Ольвийского полиса и произвела на ольвиополитов большое впечатление. Рассказы об этом событии оформились в новеллу, которая продолжала бытовать среди ольвиополитов по крайней мере в течение целого столетия, так как Геродот записал ее в середине V в. до н. э.

Фигура Анахарсиса запомнилась не только северопонтийским грекам; во времена Геродота о нем рассказывали в Греции, которую он посетил, путешествуя по разным странам (IV, 77). Неудивительно поэтому, что Геродот пытался как можно больше узнать об этом человеке. От ольвиополитов он услышал новеллу, о которой только что шла речь. Но этого историк показалось мало, и он (конечно, через переводчиков) обратился за сведениями к скифам, но те, к его удивлению, ничего не могли рассказать об Анахарсисе. Историк сделал из этого вывод, что скифы намеренно вычеркнули из памяти Анахарсиса за его поклонение чуждым для них греческим богам.

Объяснение Геродота нам представляется ошибочным. Причина неосведомленности скифов кроется в ином: в их устной традиции, не обладавшей столь специфическим жанром, как греческая историческая новелла, не было места для сохранения памяти о событиях жизни Анахарсиса в течение целого столетия. Ведь формирование каждого фольклорного жанра соответствует определенной ступени развития общества. «Появление преданий, которые можно определить как собственно исторические, связано с укреплением государственности и ростом национального самосознания»¹⁶. Достаточно вспомнить о разнице в уровне социаль-

¹⁵ How W. W., Wells J. A. A Commentary on Herodotus. V. I. Oxf., 1912, p. 329. О сдвиге хронологии царствования Креза см. Струве В. В. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья. — В кн.: Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 91.

¹⁶ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 9.

ного и экономического развития греков VIII—VII вв. до н. э., когда у них родилась историческая новелла, и скифов времени Анахарсиса и Скила, чтобы понять, что у последних такого жанра фольклора не было.

Все же было бы неверно считать, что само имя Анахарсиса полностью стерлось в памяти решительно всех скифов. Его имя знали члены царской семьи, сохранявшие генеалогию скифских царей. И это не случайно. Ведь для представителей племен, находящихся на стадии разложения родового строя, каковыми были скифы, чрезвычайно характерно знание своей родословной. Если родовые сказания и легенды носили чисто мифологическую окраску, то перечисление многих колен своих предков было связано с совершенно реальными людьми; только в начале родословной, у истоков рода, говорилось о мифических и легендарных личностях. Глубокое знание своей родословной было продиктовано у этих племен целями строгого соблюдения экзогамии. Прекрасные примеры таких свидетельств записаны современными этнографами. Например, С. П. Балдаев сообщает, как буряты на празднествах устраивали специальные испытания детям, которые должны были перечислять своих предков по восходящей и нисходящей линиям¹⁷.

После того как Геродот услышал от ольвиополитов новеллу об Анахарсисе, историк захотел расширить свои сведения об этом удивительном человеке. Обращение к скифам ничего не дало (ὁ φασὶ μὲν Σκύθαι γινώσκειν). Тогда Геродота познакомили с Тимном, поверенным в делах уже умершего к тому времени скифского царя Ариапифа.

Судя по имени, это был грек, ольвиополит. Τίμνυς — карийское имя, широко воспринятое ионийцами¹⁸. Геродот называет его τὸν Ἀρι-απίθεος ἐπίτροπος. Ἐπίτροπος — это лицо, которому поручено попечение о чем-то; в данном случае оно употреблено с *genetivus personae*. Авторитетный словарь Лиддела — Скотта толкует в таком сочетании перевод этого слова как «ошкун, лицо, которому поручено управление»¹⁹. Зная об оживленном торговом обмене Ольвии со скифами, надо полагать, что Тимн был, выражаясь современным языком, торговым, а возможно, и дипломатическим агентом скифского царя.

Вряд ли Тимн удерживал в памяти генеалогию скифских царей. Скорее всего, по просьбе Геродота он узнал ее от скифов из царского рода. Перечисляя своих предков, они назвали и имя Анахарсиса, который был сыном Гнура, внуком Лика, правнуком Спаргапифа и дядей по отцу Иданфирса. Из родословной скифских царей Геродот узнал также, что Савлий был отцом Иданфирса, и, таким образом, заключил, что, убив Анахарсиса, царь умертвил своего брата. В новелле об этом не говорилось, скифы же могли припомнить лишь родословную, а не деяния Анахарсиса. Поэтому у Геродота не было полной уверенности, что герой новеллы и член царского рода — одно и то же лицо. Этим объясняется оговорка историка, на которую не обращают внимания: сведения о генеалогии героя новеллы верны, если Анахарсис происходил из этого, т. е. царского, дома (εἰ ὃν τούτης ἦν οἰκίης).

С легкой руки комментатора Геродота Г. Штейна и разделившего его взгляд Ф. Якоби в научной литературе утвердилось мнение, что именно Тимн передал Геродоту рассказы об Анахарсисе и Скиле²⁰. Не сомневаясь в том, что Тимн знал эти новеллы, мы полагаем, что Геродот слышал их, возможно, неоднократно, еще до знакомства с Тимном, у

¹⁷ Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I. Улан-Удэ, 1970, с. 26.

¹⁸ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 527.

¹⁹ Liddell H., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxf., 1977, s. v. ἐπίτροπος.

²⁰ Herodotos. Erkläert von H. Stein. B., 1857, B. 2, ad IV, 76; Jacoby. Op. cit., Sp. 256.

которого он затем выяснил неясные детали. Недаром «отец истории» сослался на Тимна только в своем ученом примечании о происхождении Анахарсиса. Вообще можно заметить, что Геродот нередко интересовался и приводил данные о генеалогии многих своих героев (напомним его историческую справку о происхождении Креза).

Итак, в сведениях Геродота об Анахарсисе мы выделяем несколько источников. Самый подробный и обстоятельно изложенный — это новелла о смерти Анахарсиса, сложившаяся в Ольвии непосредственно после изображенных в ней событий и бытовавшая в среде ольвиополитов по крайней мере целое столетие. Новелла снабжена учеными примечаниями Геродота. Одно из них вставлено в самую ткань рассказа: это объяснение читателям, что такое Гилея. Когда ольвиополит рассказывал, как Анахарсис удалился в Гилею, чтобы совершить празднество в честь Матери богов, его слушатели прекрасно представляли себе эту область. Для читателей же Геродот ввел вводное предложение, парантезу: «Гилея находится у Ахиллова Дрома и изобилует всевозможными деревьями»²¹. Другие примечания — сведения о генеалогии Анахарсиса, полученные от Тимна, и заключение историка, что Анахарсис погиб от руки своего брата, — отнесены в конец 76-й главы.

Наконец, в следующей, 77-й главе Геродот в предельно сжатой форме сообщает другую новеллу (*λόγον ἄλλον*) об Анахарсисе, услышанную им от пелопоннесцев. Важно отметить, что и тот, и другой рассказы в глазах Геродота представляют новеллы (*λόγος*) и что историк не приписывает их авторство какому-то одному определенному лицу. Хочется обратить внимание на чуткость Геродота, который при передаче народных преданий и легенд, ссылаясь на свои источники, совершенно верно указывает «коллективного автора». Вот несколько из бесконечного множества примеров, которые можно выбрать из «Истории». Легенду о Таргитае «рассказывают скифы» (IV, 58 — *Σκῆθαι λέγουσι*); вариант новеллы об Анахарсисе он слышал от пелопоннесцев (IV, 77 — *καίτοι τινὰ τῆδῃ ἤκουσα λόγον ἄλλον ὑπὸ Πελοποννησίων λεγόμενον*); милетяне сообщают новеллу о хитрости тирана Фрасибула (I, 21 — *Μιλήσιοι μὲν νῦν οὕτω λέγουσι γενέσθαι*), легенду о певце Арионе передают Lesbosцы и коринфяне (I, 24 — *ταῦτα μὲν νῦν Κορίνθιοί τε καὶ Λεσβιοὶ λέγουσι*).

Какие же исторические факты мы можем извлечь из ольвийской новеллы? Прежде всего Анахарсис — историческое лицо, действующее в реальной исторической обстановке. В этом были уверены и рассказчики новеллы, и сам Геродот. В этом должны быть уверены и мы, хотя некоторые исследователи и поставили под сомнение существование Анахарсиса. А. Гутшмит утверждал, что история Анахарсиса заимствована из реальной истории Скила. В этом исследователя убеждали некоторые общие черты обоих скифов: и тот, и другой происходят из царского рода (правда, как мы показали, у Геродота окончательной уверенности в этом не было, а в новелле о происхождении Анахарсиса об этом ничего не говорилось), оба эллинофилы (но количество эллинофилов, наверное, не ограничивалось среди скифов лишь этими двумя героями новелл), обоих карают за это смертью (заметим, что объяснение причин смерти в новелле не всегда может соответствовать действительным причинам), оба погибают от руки братьев²² (но смерть Анахарсиса от руки брата — вывод Геродота, а не свидетельство новеллы). В. Али полагал также, что предания об Анахарсисе у Геродота не дают достаточно материала, чтобы судить о реальном существовании Анахарсиса²³.

²¹ Отметим подобное примечание в ткани новеллы о Скиле: «Борисфениты сами себя называют милетянами» (IV, 78).

²² *Gutschmid A. Kleine Schriften*. В. III, S. 434.

²³ *Aly. Op. cit.*, S. 127.

Мы полагаем, что у Геродота можно найти немало данных, подтверждающих реальное существование этого лица. Трудно допустить, например, чтобы в столь отдаленных и мало связанных между собой областях, как Ольвия и Пелопоннес, возникли новеллы об одном и том же вымышленном персонаже. Имя Анахарсиса в греческой литературе было известно и до Геродота. Впервые упоминая его в своем труде (IV, 46), историк говорит о нем как о прославленном ученом муже. Некоторое представление о догеродотовской литературе, касающейся Анахарсиса, можно получить из записей Климента Александрийского (Strom. V, 8, 44). Он сохранил цитату из сочинения Ферекида Сиросского с изречениями выдающихся скифов Анахарсиса и Иданфирса. Таким образом, в греческой литературе VI в. до н. э. уже встречались эти персонажи. Если же, как полагают некоторые исследователи, в рукописи Климента спутан Ферекид, уроженец Сироса, с его тезкой — уроженцем Лероса, то все равно это свидетельство старше сообщений Геродота, так как относится по крайней мере к началу V в. до н. э.²⁴ Исторически достоверным надо считать путешествие Анахарсиса в Элладу. Позднее античные авторы называют немало областей Греции и Малой Азии, где побывал Анахарсис. Но доверие к этим авторам не может быть полным, так как начиная с рубежа V—IV вв. греческая литература превратила Анахарсиса в условную фигуру легендарного философа, представителя неспорченного цивилизацией народа²⁵. Скифу приписали массу мудрых изречений²⁶ и всевозможных изобретений²⁷. В период эллинизма этот литературный персонаж, обросший массой выдумок, был известен каждому школьнику, о чем свидетельствует папирусный фрагмент из школьной тетради с началом стихотворной истории об Анахарсисе²⁸.

Лишь Геродота в целом надо считать тем источником, откуда можно почерпнуть наиболее достоверные сведения об Анахарсисе. Историк говорит, что скиф посетил много стран, но конкретно называет Пелопоннес и Кизик. Посещение первого подтверждается сохранившейся там новеллой об Анахарсисе. Кизик же — колония Милета на восточном берегу Пропонтиды, недалеко от Босфорского пролива, ведущего в Понт Евксинский. Отсюда часто отправлялись или здесь причаливали корабли другой милетской колонии, Ольвии, и здесь должен был остановиться Анахарсис, следуя на родину.

Мы полагаем, что Анахарсис происходил из скифских племен, кочевавших в окрестностях Ольвийского полиса и постоянно вступавших в контакт с этой греческой колонией. Свое знакомство с эллинской культурой Анахарсис должен был начать в Ольвии, обучиться греческому языку, завязать знакомства с греками, приезжавшими из метрополии. Без таких связей в древности его путешествие в Элладу было бы просто невозможно. Из Ольвии скифский мудрец отправился на корабле в Грецию, в Ольвию же он возвратился из своих странствий. Он был хорошо знаком ольвиополитам, иначе бы новелла о нем не могла возникнуть в их среде.

Достоверным кажется и факт присутствия Анахарсиса на празднике Матери богов, или Кибелы, в Кизике. Ее почитание в архаический период в Милете и Кизике засвидетельствовано²⁹. Может быть, Анахар-

²⁴ *Armstrong A. Anacharsis the Scythian. — Greece and Rome, XVII, № 49, 1948, p. 19.*

²⁵ *Кубылина И. В. Анахарсис. — ВДИ, 1971, № 3, с. 117—125.*

²⁶ Полнее всего такие изречения Анахарсиса записаны у Диогена Лаэртского (I, 102—105).

²⁷ Страбон (VII, 4, 9, С. 303), например, осмеивает утверждение Эфора о том, что Анахарсис изобрел гончарный круг и двузубый якорь. Археологами твердо установлено, что скифы времен Анахарсиса не знали гончарного круга, а греки уже давно им пользовались.

²⁸ *Armstrong. Op. cit., p. 19.*

²⁹ *Кубылина М. М. Милет. М., 1965, с. 128.*

сис не случайно избрал Гилею местом исполнения своего обета, Там, наверное, было священное место, где поклонялись Кибеле³⁰. На территории Гилеи была найдена плита с изображением этой богини и посвятельной надписью: «Иодор, сын Илия, — Великой Матери»³¹. Памятник датируется эллинистическим периодом, но место святилища могло быть гораздо более древним.

При совершении обряда Анахарсис надел на себя изображения богини и взял в руки тимпан. В этом описании не следует усматривать реальную картину совершения праздника в VI в. до н. э. хотя бы потому, что, согласно новелле, никто из греков не видел, как Анахарсис поклонялся богине. В народных преданиях, где развито стремление к конкретности изображаемого, рассказчик хочет зримо представить своих персонажей и черпает реальные черты из окружающей жизни. У современного сказочника колдунья дает задание богатырям: «Вот напилите мне сто кубометров в дров в тридцать секунд»³². Поэтому в новелле сохранено свидетельство современников Геродота о характере обряда в честь Кибелы, хотя вполне возможно, что ритуал не претерпел существенных изменений со времен Анахарсиса.

Вполне достоверным мы считаем факт насильственной смерти Анахарсиса. Именно это, как явление из ряда вон выходящее, послужило толчком для создания новеллы. Она оформилась непосредственно сразу после событий из переходивших из уст в уста сообщений о гибели скифа-эллинофила, которого знали многие, а видели все тогда сравнительно немногочисленные жители греческой колонии.

Однако истинная причина убийства Анахарсиса, весьма вероятно, была иной, чем высказанная в новелле, пережившей целое столетие. Сам Геродот знал, что существовали и иные версии рассказов об Анахарсисе. По его же словам, пелопоннесцы утверждали, что скифский царь послал его для обучения в Элладу. Историк с большим напором предлагает считать рассказ пелопоннесцев «суетным измышлением самих эллинов» и верить лишь тому, что говорят ольвиополиты, потомки свидетелей событий. Логически это кажется справедливым. Но в истории фольклористики известно много случаев, когда интереснейшие варианты сказаний сохраняются отнюдь не там, где они были созданы. Наиболее яркий пример — киевский цикл былин, записанный в XIX в. на Севере и забытый к тому времени населением Украины.

Изменение отношений ольвиополитов и их соседей — скифов — нашло место, на наш взгляд, как будет показано ниже, в ряде деталей ольвийской новеллы об Анахарсисе. На Пелопоннесе же контакты со скифами не играли никакой существенной роли, и поэтому у нас есть основания думать, что там идеологический смысл новеллы не претерпел изменений от момента возникновения до времени Геродота. Кажется, никто еще не обратил серьезного внимания на большой хронологический разрыв между временем путешествия Анахарсиса (конец 90-х годов) и временем его смерти (середина VI в. до н. э.). Согласно новелле, он погиб сразу после возвращения, так как по обету он должен был совершить праздник в честь Кибелы в случае благополучного прибытия на родину.

Конечно, путешествие могло продолжаться несколько десятилетий, и Анахарсис вернулся на родину на склоне лет. Но вероятнее думать, что он поехал в Элладу не для того, чтобы там долго жить, а для того, чтобы, набравшись знаний, принести какую-то пользу соотечественникам. Это подтверждается утверждением пелопоннесцев, что скифский царь направил Анахарсиса для обучения в Элладу.

³⁰ Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, I, 1957, с. 228.

³¹ Фабрициус И. В. Летопись Музею. Вып. 8. Херсон, 1927, с. 9.

³² Фольклор Горьковской области. Сказки. Записали В. Н. Боровик и С. И. Мисер. Горький, 1939, с. 256.

Таким образом, можно полагать, что Анахарсис вернулся на родину и далеко не сразу погиб от руки Савлия. И причина его убийства была иной. О ней кратко упоминает Диоген Лаэртский, хорошо знавший произведения античной литературы, многие из которых теперь безвозвратно утрачены.

Законный скепсис вызывают записи многих изречений Анахарсиса у Диогена. В его сочинении со всей полнотой отразился вымышленный характер представлений о мудром скифе в античной литературе, начиная с Эфора. И все же на этом основании нельзя полностью пренебрегать сведениями Диогена, в труде которого переплетены сообщения из источников самого различного качества. В главах, посвященных Анахарсису, он использовал версию Геродота о гибели скифа, но счел нужным упомянуть и другую, причем изложил ее более подробно, чем первую. Там утверждалось, что Анахарсис погиб на охоте от стрелы своего брата. Знаменательны его последние слова: «Благодаря разуму я вернулся невредимым из Эллады, а из-за зависти я погиб на родине» (I, 102 — *Διὰ μὲν τὸν λόγον ἐκ τῆς Ἑλλάδος σωθῆναι, διὰ δὲ τὸν φθόνον ἐν τῇ οἰκίᾳ ἀπολέσθαι*)³³. Таким образом, он считал причиной своей гибели зависть, а не измену отеческим богам. Какую же зависть мог питать к нему его брат, скифский царь? Вероятнее всего, здесь были замешаны династические распри и опасение скифского царя за прочность своей власти.

Возможно и другое предположение. Ю. Г. Виноградов обратил внимание на то, что середина VI в. до н. э. и время гибели Анахарсиса совпадают с началом освоения эллинами земель Нижнего Побужья и массовым проникновением греческого импорта в лесостепь³⁴. Эти акции греков, по-видимому, не вызывали единодушного одобрения правящей верхушки скифов, и убийство эллинофила Анахарсиса как-то связано с этими разногласиями.

Обращает внимание еще одна подробность в начале изложения Диогена, назвавшего Анахарсиса сыном Гдура и братом скифского царя Кадуида (I, 101). Есть еще одно аналогичное упоминание о Кадуиде в древней литературе: в статье словаря Суда под словами «Анахарсис и Кадуид». Оба сообщения, как правило, остаются вне поля зрения тех, кто занимается генеалогией скифских царей. В этом вопросе обычно придерживаются лишь данных Геродота³⁵ и не принимают во внимание то, что историк интересовался не генеалогией скифских царей, не порядком их правления, а генеалогией Анахарсиса, одного из членов царского рода. Историк узнал имена его отца, деда и прадеда, т. е. три колена его прямых предков по отцовской линии, но не упомянул при этом, что они были скифскими царями; зато он подчеркнул, что Анахарсис был дядей по отцу царя Иданфирса. А так как Савлий приходился отцом Иданфирсу, то Геродот заключил, что он был братом Анахарсиса. Таким образом, достоверно царями из родственников Анахарсиса, согласно Геродоту, были лишь Савлий и Иданфирс, а прочие скорее только входили в семейство скифских царей. При этих скудных сведениях не стоит оставлять в стороне упоминание Диогена и Суды о Кадуиде. Вероятно, он был старшим братом Анахарсиса, может быть, именно тем царем, который послал его в Элладу. А по возвращении Анахарсис застал у власти уже другого своего брата, Савлия. После него царем стал Иданфирс. Затем власть перешла к иной династии, представителями которой были Ариапиф и Скил. Предположение о смене династий скифских царей убедительно обосновано

³³ Эта версия была известна также античному комментатору «Государства» Платона (Schol. Plat. Resp. 600a).

³⁴ Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила. — СА, 1980, № 3, с. 107, прим. 100.

³⁵ Смолин В. Ф. Главная династия скифских царей по Геродоту. — Гермес, 1915, № 17, с. 390—394; Виноградов. Ук. соч., с. 103.

Ю. Г. Виноградовым³⁶. Действительно, трудно предположить, чтобы Геродот упустил возможность сказать о кровнородственной связи между Анахарсисом и Скилом, чьи сходные судьбы он объединил для иллюстрации неприятия скифами эллинских обычаев. Для этого надо было указать лишь степень родства Иданфирса и Ариапифа, персонажей, которым Геродот уделил немало внимания. Но историк, зная, что они не состояли в родстве, ничего не написал о пути Ариапифа к власти, и молчание его можно объяснить только отсутствием интереса к перечислению скифских царей.

Этнографами установлено, что порядок наследования от отца к сыну характерен для малой семьи, а в большой семье преобладает переход власти от брата к брату. Замечено также, что у кочевников традиции большой семьи сохраняются дольше всего в среде аристократии. Поэтому следовало ожидать, что у скифов царская власть передавалась преимущественно от брата к брату и реже от отца к сыну. Однако в научной литературе утвердилось обратное мнение. Оно возникло, на наш взгляд, из недостаточно внимательного толкования Геродота³⁷ и служит серьезным аргументом для тех, кто считает, что для скифов была характерна малая, индивидуальная семья³⁸.

Известные скифологи М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, А. П. Смирнов и другие на основании ряда археологических данных считали, что скифам вообще была свойственна большая, патриархальная семья³⁹.

Анализируя сведения Геродота о генеалогии скифских царей, мы хотим поддержать мнение о существовании большой семьи если не у всех скифов, то по крайней мере среди их аристократии. Выше было показано, что Геродот вовсе не утверждал, что прямые предки Савлия — Гнур, Лик и Спаргапиф — были царями: древний историк определенно засвидетельствовал лишь два случая преемственности власти сыном от отца (Савлий — Иданфирс и Ариапиф — Скил) и один — братом от брата (Скил — Октамасад). Мы предлагаем ввести в генеалогию скифских царей еще один пример перехода власти от брата к брату. Так, на наш взгляд, стал царем Савлий. Его брат Анахарсис также имел определенные права на власть, и, избавившись от него, Савлий не только устранил конкурента, но и обеспечил возможность стать царем своему сыну Иданфирсу.

Из попутных сведений Геродота и отчасти Диогена и словаря Суда можно дать такую реконструкцию генеалогии скифских царей. Вторая половина VII—VI в. до н. э.: Спаргапиф, его сын Лик, сын последнего Гнур (все трое, возможно, не цари, а лишь члены царского рода, жили до 90-х гг. VI в.); сыновья Гнура — Кадуид (правил уже в 90-е гг. VI в., так как тогда Анахарсис отправился по его поручению в Грецию), затем Савлий (середина VI в. до н. э., так как в это время он убил Анахарсиса), его сын Иданфирс, предводитель скифов в войне с Дарием (третья четверть VI в. до н. э.). Новая династия с рубежа VI—V вв. до н. э. до се-

³⁶ Виноградов. Ук. соч., с. 106—108.

³⁷ Истоки такого мнения находятся еще в древности. Античный комментатор Платона, зная о происхождении Анахарсиса из царской семьи и путая его родословную с родословной Скила, называет царем отца Анахарсиса Гнура, а матерью его делает гречанку (Schol. Resp. 600a).

³⁸ Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов. — СА, 1966, № 2, с. 35—38; Шелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества. — Вопросы истории, 1972, № 3, с. 70; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 56. Последний из названных авторов, исходя из порядка наследования царской власти, считает, что у кочевых скифов уже в VI—V вв. до н. э. известно распространение получила малая, нуклеарная семья.

³⁹ Артамонов М. И. Общественный строй у скифов. — Вестник ЛГУ, № 9, 1947, с. 73; Смирнов А. П. Скифы, М., 1966, с. 142; Граков Б. Н. Скифы, М., 1971, с. 34; Ельницкий. Ук. соч., с. 203.

редины V в. до н. э.: Аргот (чтение имени Ю. Г. Виноградовым⁴⁰), его родственник Ариапиф, его сыновья от разных жен, сначала Скил, затем Октамасад.

В заключение анализа новеллы об Анахарсисе остановимся на выяснении того, почему причина его гибели была со временем переосмыслена в ольвийской новелле. По нашему мнению, это произошло под влиянием событий, связанных со смертью Скила и также оформившихся в новеллу, где говорилось, что скифского царя казнили за измену отеческим обычаям. Сейчас трудно сказать, было ли это действительной причиной его гибели. Мы знаем только, что ольвиополиты так объясняли это событие, поэтому такая мотивировка вошла в новеллу, записанную Геродотом.

В историческом предании факты оцениваются и осмысливаются с общественной точки зрения. Если эта точка зрения длительное время не претерпевает изменений, то и в предании оценка фактов остается прежней. Существенные изменения в самой действительности отражаются и на предании. Оно может постепенно исчезнуть, если к нему пропадет интерес. Нередко старое предание сохраняется, но из-за иного, изменившегося отношения к фактам, о котором оно повествует, изменяется оценка этих фактов⁴¹.

Исследователи Ольвии отмечают, что начальный период ее существования (VI в. до н. э.) характеризовался мирными отношениями со скифами, однако к началу V в. до н. э. они резко ухудшились. Достаточно сказать, что во времена Анахарсиса греческие поселения в Нижнем Побужье не имели оборонительных сооружений, а при Скиле греки уже покинули свои небольшие поселения и Ольвия оцепилась мощными стенами и башнями. Все это должно было отразиться не только в материальной культуре, но и в идеологии. Ольвиополиты середины V в. до н. э. — свидетели преследования эллинофильства в скифской среде — перенесли в своих рассказах мотивы гибели их современника Скила в старинную новеллу о смерти Анахарсиса.

Новелла о Скиле (IV, 78—80) у Геродота гораздо подробнее и ближе к устному оригиналу, чем новелла об Анахарсисе. Она записана, как говорится, по горячим следам, вскоре после событий, которые современные исследователи по некоторым косвенным данным относят к 50—60-м годам V в. до н. э.⁴² Сам же Геродот посетил Ольвию не позже 445 г., после чего он поселился в Афинах, а затем отправился в Фурии⁴³. Многие из ольвиополитов, собеседников историка, были свидетелями драмы скифского царя. Среди них, конечно, Тимн, поверенный в делах отца Скила. Рассказ Геродота изобилует большим количеством имен, относящихся к второстепенным и даже никак не действующим персонажам. Это совсем не характерно для народного повествования. Все упомянутые Геродотом имена относятся к лицам, родственным семье скифского царя. Поэтому весьма возможно, что сведения о них идут от Тимна.

Таким образом читатель подробно узнает о семье Скила. Он был сыном Ариапифа, которого коварно убил царь агафирсов Спаргапиф. Мать Скила — гречанка из Истрии. Кроме нее Ариапиф имел также скифскую жену Опию и сына от нее Орика. После смерти отца Скил унаследовал его власть и женился на Опии. Вслед за этой экспозицией начинается собственно новелла, в которой не принимает участия ни один из названных родственников Скила. Более того, в конце новеллы власть перенимает его сводный брат Октамасад, не названный вначале среди родственников Скила. Он — сын третьей жены Ариапифа, которая была дочерью

⁴⁰ Виноградов. Ук. соч., с. 104—106.

⁴¹ Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 12.

⁴² Виноградов. Ук. соч., с. 104.

⁴³ Лурье. Ук. соч., с. 19—24.

фракийского царя Терей и сестрой его наследника Ситалка. К последнему бежал Скил и был выдан Октамасаду в обмен на брата фракийского царя, укрывавшегося у скифов.

Сведения о родственниках Скила дают возможность сделать важные выводы, касающиеся общественного строя и уклада жизни скифов. Именно здесь заключено единственное свидетельство о существовании у них левирата (Скил женится на мачехе). Отсюда же мы узнаем о полигамии у скифских царей, а также о династических браках с иноземками, что в те времена было одним из лучших средств установления и укрепления дружественных политических, экономических и культурных связей между различными народами.

Содержание новеллы о Скиле сводится к следующему. Скифский царь Скил был поклонником эллинских обычаев и культуры. Он нередко подходил со своим войском к Ольвии, оставлял его под стенами города, а сам удалялся в город, где жил в собственном прекрасном доме с женой-гречанкой. Там он говорил по-гречески, носил греческую одежду и поклонялся эллинским богам. Он захотел быть посвященным в таинства Вакхического Диониса. Кто-то из греков провел скифов на городскую башню, и те увидели, как их царь совершает вакхическое празднество. Это вызвало негодование скифов, и они признали царем брата Скила Октамасада. Скил же бежал во Фракию, но был выдан скифам и казнен.

Идея непредотвратимой судьбы служила ключом к пониманию событий во многих греческих новеллах, и в частности в новелле о Скиле. Близкая и понятная самому Геродоту, эта мысль не раз звучит в его «Истории» (I, 8; II, 161; IV, 79; V, 92, 4; IX, 109). Скил возымел желание быть посвященным в таинства Диониса тогда, «когда ему суждено было испытать беду» (ἐπεὶ τὸ δὲ ἔδδεν αὐτὸν κακῶς γυνέσθαι), и ничто, даже грозное предзнаменование, не отвратило его от этого. Точно такими же словами выражена мысль в новелле о египетском царе Априи (II, 161). Неразумные поступки лидийского царя Кандавла, приведшие его к гибели, предваряются подобным объяснением (ὄψιν γὰρ Κανδαύλης γυνέσθαι κακῶς — I, 8). Воля рока толкает Ксеркса дать легкомысленное обещание Артаинте выполнить любое ее желание (IX, 109). Напрасно правители Коринфа Бакхиады, зная от оракула о своей судьбе, пытаются избежать ее, убив ребенка Кипсела. Мысль о непредотвратимости судьбы звучит и в этой коринфской новелле (V, 95, 4). Поступки Скила и Кандавла, Априя и Ксеркса приводят их к смерти, но после того, как рассказчик заявил, что герою суждено погибнуть. Несчастья, таким образом, представляются не следствием этих действий, но оказываются проявлением воли неотвратимого рока.

Названный мотив в рассказе о Скиле — одно из доказательств того, что в тексте Геродота передана именно греческая новелла о скифском царе. Как и гибель перса Ксеркса, египтянина Артаинта, лидийца Кандавла и коринфского рода Бакхиадов, его смерть мотивирована, исходя из эллинского мировоззрения.

Остановимся на других моментах повествования Геродота, где отразились черты фольклорного рассказа. Как и в новелле об Анахарсисе, все действие, весь интерес рассказчика концентрируются на главном действующем лице. Описание предзнаменований, весьма характерное для фольклорных рассказов, присутствует и в новелле о Скиле. Его бедам предшествует грозное знамение: молния сжигает его дом в Ольвии. Но Скил, которому суждено погибнуть, не понимает предупреждения божества и принимает посвящение в таинства Диониса, что приводит его к смерти.

Ярко проявляется в новелле конкретность, свойственная народному повествованию. Сообщается, как тщательно запирались ворота города и ставилась стража, чтобы скифы, оставленные царем в предместье, не могли наблюдать его эллинский образ жизни. Сюда же следует отнести

описание ольвийского дома Скила: он был большой и роскошный, украшенный белокаменными грифонами и сфинксами. Геродот не мог его видеть, но тщательно передал описание здания, наверное, одного из наиболее богатых и красивых в Ольвии середины V в. до н. э. и потому так запомнившегося ольвиополитам.

В изложении новеллы Геродот дважды сохранил характерную для устного повествования прямую речь персонажей. Она оживляет рассказ и переносит слушателей как бы непосредственно на место событий. Сначала звучит речь грека, обращенная к скифам: «Вам смешно, о скифы, когда мы справляем вакханалии и нами овладевает бог. Теперь же это божество овладело и вашим царем; и он справляет вакханалии и повергнут божеством в исступление. Если вы мне не верите, ступайте за мной, и я вам покажу». Другой раз глашатай в прямой речи передает слова Ситалка, обращенные к Октамасаду: «Зачем нам испытывать друг друга? Ты ведь сын моей сестры, и у тебя мой брат. Ты мне его отдай, и я отдам тебе твоего Скила. И ни ты, ни я не подвергнем опасности войска».

С той же целью оживления повествования употребляется в фольклоре *praesens historicum*, т. е. настоящее время в рассказе о прошлом. Неоднократно встречается этот прием и в новелле о Скиле. Узнав о возмущении скифов, он убегает (*καταφεύγει*) во Фракию. Выслушав вестника Ситалка, Октамасад соглашается (*καταίνεσι*) на его предложение.

О скифском царе Скиле нет упоминаний ни в одном античном источнике, кроме сочинения Геродота. Некоторые исследователи воспринимали сообщение Геродота о нем как вариант предания о мудром скифе и сомневались даже в факте существования такого скифского царя⁴⁴. Сейчас мы располагаем прекрасным доказательством реального бытия Скила и его пребывания во Фракии. В 30-х годах текущего столетия недалеко от Истрии при вспашке поля было найдено золотое кольцо-печатка с именем Скила. На щитке его изображена богиня с зеркалом и глубоко врезана надпись ΣΚΥΛΕΩ, т. е. собственность Скила. В статье Ю. Г. Виноградова «Перстень царя Скила» дан наиболее подробный анализ памятника. В одном нам хочется возразить ее автору, считающему маловероятным, что кольцо было потеряно. Ю. Г. Виноградов полагает, что Скил во время пребывания во Фракии подарил или завещал свое кольцо, а затем новый владелец был с ним погребен⁴⁵.

При находке кольца не было никаких иных предметов, подтверждающих предположение о локализации в этом месте некрополя. Кроме того, золотое кольцо — символ царской власти у иранцев, и кажется маловероятным, чтобы Скил сам пожелал расстаться с доставшимся ему по наследству атрибутом верховной власти. Скорее всего он потерял перстень в тревожные дни, когда искал убежище за Дунаем.

В отечественной истории известны случайные находки очень ценных предметов, принадлежавших древнерусским князьям. Они были утеряны в древности, и владельцы их, конечно, разыскивали, но не смогли найти. Напомним о двух самых знаменитых предметах такого рода. Золотая гривна-змеевик Владимира Мономаха была утрачена им, вероятно, во время охоты и случайно найдена в черниговских лесах в начале прошлого века. Тогда же близ Юрьева Польского на месте Липецкой битвы тоже случайно были обнаружены золотые и серебряные чеканные накладки редкого по красоте шлема Ярослава Всеволодовича⁴⁶.

Новелла о Скиле показывает, как ширилась и укреплялась с течением времени эллинизация правящей верхушки скифского общества. Если в первой половине VI в. член царского рода Анахарсис сначала в Ольвии, а за-

⁴⁴ *Alu. Op. cit.*, S. 128; *Куклина*. Ук. соч., с. 116.

⁴⁵ *Виноградов*. Ук. соч., с. 95.

⁴⁶ *Рыбаков* Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, с. 19, № 9; с. 34—35, № 33.

тем в Греции только знакомился с греческой культурой, то в V в. до н. э. появляются уже кровнородственные связи между правителями скифов и греками. Одна из жен Ариапифа, мать Скила, была гречанкой из Истрии. Сам Скил, живя в Ольвии, имел в своем роскошном доме жену из горожанок. Если скифскому царю Ариапифу еще требовался греческий посредник Тимн для экономических и политических контактов с Ольвией, то Скилу, свободно говорившему по-гречески и подолгу жившему в Ольвии, такой посредник был уже не нужен. Он сам вел все дела, и, конечно, этим, а не только его любовью к греческому образу жизни, как сказано в новелле, объясняются его продолжительные визиты в Ольвию. Тогда становится понятным, почему войско терпеливо ожидало по многу дней царя у стен Ольвии. В исследованиях последнего времени доказывается, как расширялась экспансия скифов на рубеже VI—V вв. до н. э., в результате которой они стали обладателями значительных излишков продуктов присвоения (зерно, скот, рабы и др.), которые требовали сбыта. Не располагая торговым флотом и навыками в морском деле, скифы прибегали к помощи греческих северопричерноморских колоний, охотно выступавших трансагентами в торговле со Средиземноморьем⁴⁷. Среди этих колоний Ольвия в первой половине V в. до н. э. была одним из крупнейших греческих государств Северного Причерноморья.

Но кроме эллинофильской струи среди скифов V в. до н. э. существовали и прямо противоположные настроения. Их в первую очередь и отмечает новелла. В ней говорится о неприятии скифами греческих прав и религии. По всей вероятности, диапазон причин вражды был гораздо шире, и она выливалась в военные столкновения греков со скифами. Только этим можно объяснить исчезновение небольших незащищенных поселений хоры Ольвии и сооружение вокруг города дорогостоящих мощных оборонительных стен и башен. Причиной низвержения Скила послужила, на наш взгляд, победа последней из этих двух тенденций. Приобщение же скифского царя к культуре Диониса было лишь тем поводом, который использовали противники Скила для расправы с ним.

Почему же Скил не нашел спасения за стенами Ольвии, а бежал в далекую Фракию? Геродот пишет, что Скил узнал о возмущении своих соотечественников не в Ольвии, а возвратившись в Скифию. Прибыв во Фракию, он, возможно, искал там не просто убежища, а хотел собрать силы для возвращения себе царской власти. Как известно, военный конфликт между фракийцами и скифами уже назревал, и в случае поражения Октамасада Скил мог рассчитывать на возвращение на родину. Но события повернулись неожиданно для Скила, когда предводители войск нашли путь к примирению. Они обменялись знатными заложниками, каждый из которых имел притязания на власть, а расправившись с ними, скифский и фракийский цари избавились от опасных конкурентов.

Завершая анализ новеллы о Скиле, мы приходим к тому же выводу, что и при разборе новеллы об Анахарсисе. В народном рассказе нашли отражение реальные факты биографии скифского царя. Истолкование же его действий несет печать восприятия событий коллективным сознанием ольвиополитов. Между мировоззрением греков и скифов всегда существовало огромное различие, и это следует помнить, когда мы узнаем о скифской истории через посредство древнегреческих источников.

В разобранных главах Геродота факты биографии двух знатных скифов прошли через фильтр фольклорного сознания. Они вылились в форму исторической новеллы, основная функция которой была познавательная. Этим объясняется одна из ее специфических черт: если содержание предания интересно аудитории, исполнителя будут слушать, даже если он не наделен особым даром рассказчика⁴⁸. Поэтому круг рассказчиков по-

⁴⁷ Виноградов. Ук. соч., с. 107.

⁴⁸ Азбелев. Ук. соч., с. 19.

велл был необычайно широк по сравнению с исполнителями других жанров повествовательного фольклора, которые требуют высокого мастерства. Сказки, например, передавались ограниченным кругом лиц, усвоивших исполнительскую традицию. Неумело рассказанный анекдот теряет комический эффект, и поэтому не каждый может его передать. Неустойчивость художественной формы новеллы не исключала, однако, возможности ее передачи отдельными лицами в высокохудожественной форме. Это отразилось в записях Геродота. Старинная новелла об Анахарсисе была сообщена Геродоту в виде довольно сжатого рассказа. Новелла же о Скиле — развернутое яркое повествование, в котором видны многие черты фольклорного рассказа.

Записи Геродота принципиально отличаются от записей современных исследователей народного творчества. Последние стремятся максимально точно отразить на бумаге услышанное, включая, например, особенности произношения рассказчика. Оценка же произведения, отношение к нему записавшего исследователя даются в специальных работах. Геродот не записывал народные предания в современном понимании. Он усваивал их, слушая разных рассказчиков, искал сведущих людей, когда ему было что-либо неясно, и на этой основе создавал, как всякий рассказчик, свой собственный вариант новеллы. Мы уже отмечали выше, что Геродот сам был прекрасным рассказчиком, владевшим всеми приемами фольклорного повествования. Поэтому там, где он хотел, новелла передана им во всей красоте. Такова, на наш взгляд, новелла о Скиле, которая во времена Геродота была на устах у многих ольвиополитов. Сообщая новеллы, историк, однако, далеко не всегда шел по пути записи подробного варианта рассказа. В его сочинении историческая новелла представлена в самых разнообразных стилистических аспектах. На одном полюсе — развернутая во многих подробностях новелла, отражающая все богатство фольклорного источника. На другом — переработка народных рассказов в стиле ионийской научной прозы. В последнем варианте есть две разновидности: либо скудные следы новеллы, подавленной научным аппаратом, или новелла, превратившаяся в часть такого аппарата, либо более или менее полная новелла, переведенная в стиль деловой прозы. Между названными полюсами — огромное разнообразие промежуточных случаев⁴⁹.

Сообщения об Анахарсисе и Скиле — великолепный пример различных вариантов записей новелл у Геродота. С одной стороны, краткое упоминание пелопоннесской новеллы об Анахарсисе, с другой — обширная новелла о Скиле, новелла же о смерти Анахарсиса — промежуточный вариант.

Геродот предоставил нам уникальную возможность узнать и отчасти даже услышать, что рассказывалось на улицах и площадях Ольвии в середине V в. до н. э. Ведь записи фольклора жителей северопричерноморских колоний VI — V вв. не сохранились больше ни в одном древнем источнике. Новеллы, переданные «отцом истории», свидетельствуют об одной из сторон плодотворного развития культуры метрополии в Ольвии; они говорят о продуктивности фольклорного жанра, сложившегося в Ионии и процветавшего в ее колониях. Нам представляется также, что анализ новелл об Анахарсисе и Скиле достаточно убедительно показывает, что они не только сложились, но и были записаны Геродотом в Ольвии. И это оказывается еще одним из веских доказательств того, что «отец истории» посетил Северное Причерноморье и писал о нем по собственным впечатлениям, а не понаслышке.

М. В. Скржинская

⁴⁹ Доватур. Ук. соч., с. 178.

SCYTHIAN MOTIFS IN THE HISTORICAL LEGENDS OF THE OLBIOPOLITAE

M. V. Skrzhinskaya

Taking as her text certain passages from Book IV of Herodotus's *History*, the author shows how one may use the folklore of the North Pontic Greeks as a source of information about Scythia. Analysis of the stories about Anacharsis and Skyles leads to the conclusion that Herodotus recorded Olbian historical tales which were circulating in the 6th and 5th centuries B. C. These stories bear witness to the strong development in Olbia of the culture brought from Ionia and of the fertility of the folklore genre which was formed in Ionia and flourished in her colonies. The author attempts to distinguish the real and the legendary elements in these stories and the folklore devices in the narrative. She also discusses Herodotus's learned comments on the pedigrees of the heroes, proposes some changes in the traditional genealogy of the Scythian kings and arrives at the conclusion that the extended family existed among the Scythian aristocracy.
